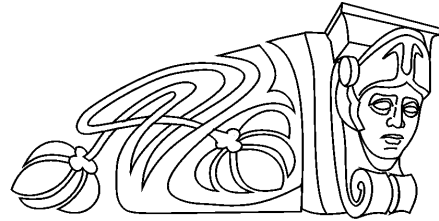

УДК 821.161.1.09

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ СОЗНАНИИ: ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗА-МИФА

М. А. Александрова

Александрова Мария Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, nam-s-toboi@mail.ru

Образ отечественного «золотого века» (пушкинской эпохи) рассматривается в контексте общих закономерностей ностальгического мифотворчества. Показано, что идеализация национального прошлого на разных исторических этапах остаётся изоморфной обобщённому образу Античности, который является контаминацией «золотого века» и «века героев». На примере литературно-критического текста позднесоветской эпохи представлено типичное соединение «золотого» и «героического» веков под именем «золотого».

Ключевые слова: миф, Античность, пушкинская эпоха, «золотой век», «век героев», ностальгия.

The 'Golden Age' in the Russian Literary Context: Origin and Modern Content of the Mythical Image

М. А. Aleksandrova

Maria A. Aleksandrova, <https://orcid.org/0000-0001-5183-9322>, State Linguistic University of Nizhny Novgorod, 31-a, Minin Str., Nizhny Novgorod, 603155, Russia, nam-s-toboi@mail.ru

The image of the Russian 'golden age' (the Pushkin era) is considered in the context of the general patterns of nostalgic mythmaking. It is shown that the idealization of the national past at different historical stages remains isomorphic to the generalized image of Antiquity, which is a contamination of the 'golden age' and the 'century of heroes'. The literary criticism of the late Soviet nostalgia for the Pushkin era is an example of the combination of the 'golden' and 'heroic' centuries under the name of 'golden'.

Key words: myth, Antiquity, Pushkin era, 'golden age', 'century of heroes', nostalgia.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-438-441>

Миф о «золотом веке» «воспроизводится человечеством стихийно и безустанно»¹. Хотя отнесение идеала к «началу времен» – универсальный закон мировой культуры², в европейской традиции значение вечного ориентира сохраняет греко-римская античность, главным образом, рассказ Гесиода о «золотом роде» и его переложение Вергилием и Овидием. Потенциал античного наследия свидетельствует, что «громадный слой <...> протоисторической жизни, отраженный в мифологии, значит для общей судьбы человека в нашем мире больше, чем многие быстрые шаги более зрелого общества»³.

Мифологема «золотой род» (*chryseon genos* в «Трудах и днях» Гесиода), отразившая древнейшие представления о первых людях, подверглась рациональному осмыслению и реноминации (*aurea aetas, aureum saeculum*) в римской литературе времён кризиса республики и установления принципата⁴. С тех пор оценочная формула «золотой век» наполняется историческим содержанием – своим для каждой национальной традиции. «Золотой век», отождествлённый в Риме не с абстрактным прошлым человечества, а с патриархальным Лацием, превратился, как показывает Ю. Чернышов, из традиционного мифа в утопию. Мечта о «лучшем времени», «расцвете» позволяла моделировать также настоящее и будущее Рима. Усложнившийся общественный идеал заключался в соединении прежней чистоты нравов и природных благ «Сатурнова царства» с достижениями цивилизации; дары богов и человеческие завоевания мыслились как единое благо⁵.

Таким образом, уже в зрелой Античности «от мифа, по сути, остаётся только символ счастливой эпохи, яркий образ»⁶, оформляющий разнообразные утопии. Глубокое разочарование, принесённое опытом воплощения социально-политических утопий в XX столетии, послужило утверждению мифологема «золотого века» как ностальгической по своему содержанию и пафосу.

Неомифы мировой культуры, вдохновленные Античностью и ренессансной Италией, и мифы национальных культур (Англия времён правления Елизаветы I и королевы Виктории, *Grand Siècle* Людовика XIV, «дни Александровы» в России) обнаруживают в своём бытовании общую тенденцию: во мнении потомков «расцвет» целой страны на определённом этапе начинает ассоциироваться с великими мыслителями, творцами искусства, которые и увековечили настоящее для будущего. Наряду с традиционным обозначением «века» по имени правителя фигурирует второе именование: шекспировская эпоха, век Мольера, Корнеля и Расина и т. п.

На специфику русского «золотого века» указывает полная смена заглавного имени эпохи: «Пушкин – главный русский человек, сформировавший современный язык нации и тип ее общественного сознания в Новое время. Если Герцен видел в Пушкине “ответ” России на призыв царя-преобразователя Петра I и, значит, ставил великого поэта в один ряд с крупнейшими из русских политических деятелей, то Ахматова в “Слове о Пушкине” (1962) поддержала пуш-

кинскую мысль о превосходстве поэтического “нерукотворного” памятника над “памятниками” земных властителей»⁷. Ахматова «и в пушкинском веке видела золотой лишь постольку, поскольку он был пушкинским»⁸.

Словом, «признание того, что три русских императора жили во времена Пушкина, а не наоборот, – свершившийся факт: выражение “пушкинская эпоха” больше распространено, чем “александровская” или “николаевская”»⁹. В то же время с эпохами военной и гражданской героики (в отечественной традиции – с «началом дней Александровых») «прежде всего связываются и поэтические “взлеты”, и “массовый” всплеск интереса к поэзии. И образ даже великих поэтов “притягивается” прежде всего к этим эпохам», – констатирует В. Кошелев¹⁰.

Широкое распространение ностальгических настроений в 1970–1980-е гг. послужило неизбежному упрощению образа «золотого века»: он сложился на основе предельно обобщённых представлений о Пушкине, пушкинских наставниках, о лицеистах и декабристах, о «пушкинской плеяде», о Лермонтове как «преемнике Пушкина». Показательно, что эпоха великих потрясений, какой мыслил её сам поэт («Чему, чему свидетели мы были!..»¹¹), прослыла, вопреки историческим фактам, «гармоничной»¹². Ностальгическому переживанию гармонии не противоречила даже преждевременная смерть лучших людей своего времени – в бою, на эшафоте, в ссылке, на дуэли. В данном случае не приходится говорить о превращении гибели героев в символ исторического рубежа, отделившего «золотой век» от последующих «тёмных времён», поскольку хрестоматийно известные даты (исторические и биографические) образуют выразительный сквозной ряд: 1805–1807, 1812–1814, 1825–1826, 1829, 1837, 1841.

Сам характер восприятия трагических событий прошлого, во многом определивший ностальгическую трактовку эпохи, мотивирован двояко.

Существенную роль сыграла социальная травма, полученная предшественниками ностальгирующего поколения. Возникла потребность размежеваться с теми установками советской культуры, которые породили навязчивый сюжет «если бы Пушкин жил в наше время». Странный юбилей 1937 года – юбилей смерти – сделал Пушкина наиболее популярным «отмщаемым» и «воскрешаемым» персонажем прошлого¹³, но и его современники также фигурировали в этом качестве. Признание обречённости любого классика «золотого века», который оказался бы перенесён в лучезарную советскую действительность, породило целую серию мрачных анекдотов¹⁴. Смерть «посреди смелого, неровного боя» стала казаться не только «мгновенной и прекрасной» (как сказано Пушкиным о Грибоедове¹⁵), но даже праздничной – в сравнении с участью вчерашних любимцев власти и народа, умиравших в позоре; «гордое терпенье» каторжников-декабристов

было недостижимо для отверженных новой эпохи.

На более глубоком уровне обнаруживается действие общих законов ностальгического мифотворчества.

Репутацией «золотого века» пользуются исторические эпохи, для которых античная традиция составляла «атмосферу, почву и инвентарь <...> культуры»¹⁶. При этом ни их собственные идеалы, ни позднейшая мифологизация в качестве «лучшего времени» не предполагали буквального – первоначального, гесиодовского – понимания оценочной формулы. Архаический идеал блаженства неуклонно демистифицировался по мере развития исторического знания и философии истории. Гегель подчёркивал, что с высоты современности в первобытной идиллии открывается «духовная нищета»¹⁷. Пушкин, будучи ценителем идиллической традиции в поэзии, включил иронический пассаж о блаженстве «золотого века» в «Историю села Горюхина». В XIX столетии окончательно возобладал скептический взгляд на баснословные времена, поскольку «люди золотого века не оставили ни памятников гениям, ни величественных колонн, ни живописи, ни поэзии»¹⁸ – ничего, что ассоциируется с наследием зрелой, классической античности. «Вторичная мифологизация» Античности (в том числе и в русской культуре¹⁹) отвечала запросам на «полноту духовных отношений»²⁰.

Когда переносное значение формулы «золотой век» окончательно закрепилось в культурном сознании, идеализация национального прошлого осталась в целом изоморфной «сводному» образу Античности. Независимо от того, насколько актуальными в конкретной ситуации были античные параллели, ностальгирующее сознание регулярно воспроизводило сочетание ценностей, определившее некогда содержание римской «мечты о золотом веке» (Ю. Чернышов). Как известно, римские авторы, перелавившие Гесиода, не воспроизвели предания о роде героев, который (в нарушении общей логики деградации человечества) предшествует современности. Однако на стадии поздней рационализации мифа фактически произошла контаминация «золотого» и «героического» веков: так, Вергилий в «Георгиках» свёл воедино блаженство «Сатурнова царства» и доблесть римлян²¹. Сочетание идиллических и героических ценностей (разумеется, уже без характерных признаков римской ментальности) проступает в картинах прекрасного прошлого, создаваемых много позднее, в разных культурно-исторических обстоятельствах.

Необходимое соединение ценностей разных эпох в акте мифологизации «лучшего времени» совпало с ещё одной закономерностью. Многоступенчатая символика удаления человечества от идеала – *золото, серебро, медь, железо* – не стала универсальной (отсюда, в частности, дискуссия о правомерности использования оценочной формулы «серебряный век» в русской культуре). Продуктивной оказалась бинарная модель: «век

золотой» и «век железный». Когда под именем «золотого века» соединяются разновременные по своим истокам идеалы, характер их актуализации зависит от степени эмоциональной близости к прошлому носителей ностальгии. Если архаический «век невинности» баснословен и неизбежно абстрактен, то герои национального предания, известные поимённо, вызывают непосредственный отклик. Именно благодаря культу героев «лучшие» и «худшие» времена в современном ностальгическом дискурсе остро контрастируют. С другой стороны, культурно-историческая ностальгия сообщает героике прошлого специфический «гармонизирующий» колорит, который мы постараемся показать на конкретном, но весьма типичном для позднесоветской эпохи примере.

На пике ностальгических настроений мифологизация отечественного «золотого века» была достаточно полно отражена в статье С. Чуприна, написанной по случаю шестидесятилетия Булата Окуджавы. Для автора статьи Окуджава – соавтор «боготворимого предания». Мифологический статус прошлого осознан и даже подчеркнут интерпретатором, говорящим от лица поколения: «...любые попытки дать научно “демифологизирующее” освещение» ключевых фигур и событий пушкинской эпохи «встретят (и встречают) почти единодушное неприятие»²². Творчество Окуджавы предстаёт здесь средством выражения коллективного ностальгического чувства, его поэтическим языком, который обрётён столь же счастливо, столь же своевременно, как и сам «золотой век». Между тем в статье упоминаются: «Батальное полотно», где «красавцы, таланты и поэты» овеяны духом обречённости²³; «Путешествие дилетантов», где последнее сюжетное событие – страшный крик Лавинии над мёртвым возлюбленным; роман «Свидание с Бонапартом», который завершается самоубийством всеобщего любимца. Ни один из этих литературных фактов просто не находит места в репрезентации читательских впечатлений. Текст С. Чуприна в целом свидетельствует о том, что сама ностальгия по «золотому веку» явилась фактором литературной репутации Окуджавы.

Эмблемой культурно-исторической ностальгии сделан «окуджавский культ застолья, дружеской пирушки, где не столько бражничают, сколько славословят и весело задирают друг друга, перед тем как отправиться в поход на Буонапарте или выйти на Сенатскую площадь»²⁴. Этот образный комплекс, не имеющий соответствий в текстах поэта и романиста, характеризует воспринимаемое сознание, которое в данном случае и является предметом наших наблюдений. По воле интерпретатора *пир* и *поход* представляют прошлое как *блаженное* и *героическое* в одно и то же время. Возникает квазимифологический континуум: и счастливый праздник длится, и готовность к подвигу предстаёт реализованной, поскольку она стала основанием для ностальгического культа.

Высокообразованный литературный критик, говоривший от имени куда менее просвещённых читателей, определил пушкинско-декабристскую эпоху как «отечественную античность»²⁵. Тем самым дан повод для сопоставления его мифоподобных построений с рассказом Гесиода про «славных героев божественный род», особенно с финальной его частью:

Называют их люди
Полубогами: они на земле обитали пред нами.
Грозная их погубила война и ужасная битва. <...>
Многих в кровавых боях исполнение смерти покрыло;
Прочих к границам земли перенес громовеержец
Кронион,
Дав пропитание им и жилища отдельно от смертных.
Сердцем ни дум, ни заботы не зная, они безмятежно
Близ океанских пучин острова населяют блаженных.
Трижды в году хлебодарная почва героям счастливым
Сладостью равные меду плоды в изобилие приносит²⁶.

Героям, подвизавшимся «у Фив семивратных» и под стенами Трои, словно бы «возвращен “золотой век”, царство Крона»²⁷.

Если отвлечься от специфики архаического мышления, сюжет «воздаяния» можно спроецировать на логику современного мифотворчества. «Экстатическое почитание» отечественного «золотого века»²⁸ выражается в посмертном награждении героев: из исторической реальности (отлично документированной, как замечено тем же С. Чуприным) они фактически перемещаются на «острова блаженных» – в прекрасный мир, созданный воображением потомков. Интуитивно стремясь к эстетически цельной, непротиворечивой картине «золотого века», ностальгирующее сознание второй половины XX столетия неизбежно ослабляет связь героики с категорией трагического.

«Наивный» вариант мифа изложен С. Чуприным с явным удовольствием, что свидетельствует о власти популярного образа даже над сознанием просвещённым, отчётливо разграничивающим историческую основу идеализации и её результат. Именно желание защитить целостность мифа переключает внимание автора статьи с анализа текстов Окуджавы на их сугубо эмоциональную рецепцию.

Внимание к общекультурным и национальным закономерностям мифологизации «золотого века» позволяет лучше понять целый ряд литературных явлений второй половины XX столетия – исторического периода, который по праву именуется мировой «мемориальной эпохой». Вне этого контекста невозможен также анализ творческой позиции тех писателей, которые рефлексировали о «заветном» прошлом ответственно и свободно.

Примечания

¹ Шацкий Е. Утопия и традиция : пер. с польск. М., 1990. С. 83.

- ² «Ностальгия по Началу есть ностальгия религиозная. Человек желает обнаружить активное присутствие богов, он стремится жить в свежем, чистом и “сильном” мире, в таком, каким он вышел из рук Творца <...>. Желание жить в присутствии божества, в совершенном мире соответствует ностальгии по раю» (*Элиаде М.* Миф о вечном возвращении / пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. СПб., 1998. С. 295).
- ³ *Лифшиц М.* Мифология древняя и современная. М., 1979. С. 53.
- ⁴ См. об этом: *Baldry H.* Who invented the golden age? // *Classical Quarterly*. 1952. Vol. 46, № 1. P. 83–92; *Чернышов Ю.* Гесиод и Овидий : опыт источниковедческого анализа античных описаний «золотого века» // *Источниковедческие проблемы всеобщей истории : межвуз. сб. науч. тр.* Караганда, 1991. С. 15–35.
- ⁵ См.: *Чернышов Ю.* Древний Рим : мечта о золотом веке. М., 2013. С. 81–84, 112–114, 133 и далее.
- ⁶ Там же. С. 215.
- ⁷ *Кормилов С.* «Беллетристическая пушкиниана» как научная проблема // *Беллетристическая пушкиниана XIX–XXI веков. Современная наука – вузу и школе : материалы Междунар. науч. конф.* (Псков, 20–23 октября 2003 г.). Псков, 2004. С. 6.
- ⁸ *Ронен О.* Серебряный век как умысел и вымысел. М., 2000. С. 69.
- ⁹ *Кормилов С.* Указ. соч. С. 6.
- ¹⁰ *Кошелев В.* О литературной «мифологии» 1812 года // *Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года : сб. науч. ст. / отв. ред. С. В. Денисенко.* СПб. ; Тверь, 2012. С. 45.
- ¹¹ *Пушкин А.* Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 3. М., 1957. С. 375.
- ¹² *Захарченко Е.* «Образ Пушкина» как феномен массового сознания // *Пушкин и современная культура : материалы Междунар. науч. конф.* (Пушкинские Горы, 23–27 января 2003 г.). СПб., 2004. С. 146.
- ¹³ Ср. патетическое стихотворение Я. Смелякова «Здравствуй, Пушкин!» и пародию на сюжет «воскрешения классика» в очерке М. Зощенко «В пушкинские дни».
- ¹⁴ См.: *Архипова А., Мельниченко М.* Анекдоты о Сталине : Тексты, комментарии, исследования. М., 2011. С. 184–190.
- ¹⁵ *Пушкин А.* Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 6. М., 1957. С. 668.
- ¹⁶ *Кнабе Г.* Русская античность : Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М., 2000. С. 20.
- ¹⁷ *Гегель Г.* Эстетика : в 4 т. Т. 1. М., 1968. С. 269.
- ¹⁸ *Лоуэнталь Д.* Прошлое – чужая страна / пер. с англ. А. Говорунова. СПб., 2004. С. 561.
- ¹⁹ См. об этом: *Кнабе Г.* Указ. соч. ; *Успенская А.* Античность и русская литература : мотивы, образы, идеи. СПб., 2008.
- ²⁰ *Гегель Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 273.
- ²¹ См.: *Чернышов Ю.* Указ. соч. С. 87–89 и далее.
- ²² *Чупринин С.* На ясный огонь // *Новый мир*. 1985. № 6. С. 261.
- ²³ Стихотворение Окуджавы «Батальное полотно» как акт рефлексии о современной поэту ностальгии рассматривается в нашей статье: *Александрова М.* «Батальное полотно» и батальные полотна : стихотворение Булата Окуджавы в системе контекстов // *Голос надежды. Новое о Булате : альманах.* Вып. 9. М., 2012. С. 363–385.
- ²⁴ *Чупринин С.* Указ. соч. С. 261.
- ²⁵ Там же. С. 260.
- ²⁶ *Эллинские поэты.* В переводах В. Вересаева. М., 1963. С. 146.
- ²⁷ *Элиаде М.* История веры и религиозных идей : в 3 т. Т. 1. М., 2001. С. 237.
- ²⁸ *Чупринин С.* Указ. соч. С. 261.

Образец для цитирования:

Александрова М. А. «Золотой век» в отечественном литературном сознании: генезис и современное содержание образа-мифа // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 438–441. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-438-441>

Cite this article as:

Aleksandrova M. A. The ‘Golden Age’ in the Russian Literary Context: Origin and Modern Content of the Mythical Image. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 438–441 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-438-441>